

Урожайный Фестиваль

Наталья Александрова



ЕДИНСТВЕННЫЙ
свидетель



Наталья Николаевна Александрова
Единственный свидетель
Серия «Детектив-любитель»
Надежда Лебедева»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=121337
Александрова Н. Единственный свидетель: АСТ, АСТ МОСКВА;
Москва; 2008
ISBN 978-5-17-047396-0, 978-5-9713-9160-9, 978-5-17-047922-1,
978-5-9713-9161-6

Аннотация

После окончания престижного института Лена получает отличную работу в крупном банке. Мало того, здесь же она встречает свою большую любовь.

Казалось бы, жизнь устроилась...

Однако ее любимый погибает, взорванный в собственном автомобиле, и Лена остается единственным свидетелем трагедии...

Жизнь ее превращается в непрерывный кошмар, и только детектив-юбилитель Надежда Лебедева может помочь девушке из него выбраться...

Книга также выходила под названием «Шанс на миллион долларов».

Содержание

Единственный свидетель

4

Конец ознакомительного фрагмента.

79

Наталья Александрова

Единственный свидетель

В самый разгар рабочего дня из солидных черных с золотом дверей «Бэта-Банка» вышли крупный представительный мужчина в длинном кашемировом пальто и молодая элегантная женщина.

Мужчина подошел к припаркованному у самого подъезда черному БМВ и, взявшись за ручку двери, сказал своей спутнице:

– Леночка, я попрошу вас, спросите у дежурного в операционном зале, приходил ли сегодня Арсеньев из «Альбы». Я подожду в машине.

Девушка кивнула и пошла вверх по ступеням, Мужчина сел в машину и захлопнул дверцу. Подойдя к двери банка, девушка оглянулась. И в это самое мгновение прогремел взрыв. Черная машина превратилась в пылающий факел. От грохота все на какое-то время оглохли, и все вокруг стало беззвучным, как будто кто-то выключил звук у слишком громкого телевизора. Улица была полна машин, они продолжали двигаться, как казалось, в полной тишине. Девушка на ступенях банка стояла как громом пораженная, она не могла поверить в реальность происходящего. Из банка выбежали охранники, увидев, что произошло, один из них бро-

сился обратно – сообщить начальству, позвонить в милицию и в «скорую», второй обнял девушку за плечи:

– Елена Юрьевна, пойдите, пойдите отсюда! Не надо смотреть!

Выбежали еще два человека с огнетушителями и стали пенными струями сбивать пламя, когда это удалось, они с трудом открыли дверцу машины и вытащили на тротуар обожженное, изувеченное взрывом тело, не подающее признаков жизни.

Девушка пыталась вырваться из рук охранника, и наконец ей это удалось. Она подбежала к обгорелому труп, упала возле него на колени и зарыдала.

Раньше милиции и «скорой помощи» к месту происшествия подъехала на белой «тойоте» высокая, со вкусом одетая женщина – жена покойного, которую перехватили по мобильному телефону. Выйдя из машины и увидев плачущую на тротуаре девушку, она одним движением бровей подозвала охранника и негромко сказала:

– Вон там, видите, автобус теленовостей приближается. Так что во избежание-неприятностей... – Она не закончила фразу, но охранник понял и почти насильно увел плачущую девушку.

Вечером в передаче телевизионных новостей показали груды искореженного металла. И голос за кадром сказал:

«Похоже, что профессия банкира стала в наше время одной из наиболее опасных. Сегодня днем в результате сраба-

тивания взрывного устройства погиб в собственной машине заместитель управляющего Бэта-Банка» Александр Васильевич Строганов".

* * *

Лена находилась как во сне. Какие-то люди давали ей воды, потом расспрашивали о случившемся, она отвечала машинально-утвердительно на все вопросы: да, собирались обедать, да, его машина стояла на обычном месте, да, в машине никого не было, ведь он всегда сам садился за руль.

Она задержалась всего на минуту и увидела пылающий костер, а потом его обгорелый труп.

Мысль о том, что если бы он не попросил ее выяснить какой-то пустяк и не отправил обратно в банк, то она села бы вместе с ним в машину, и тогда после взрыва обнаружили бы два обгорелых трупа, пришла ей в голову только дома вечером, но она не испугалась – какое имеет значение то, что она осталась жива, если его больше нет!

«Это не правда, – говорила она себе, – этого не может быть, чтобы он погиб».

«Правда, – стучало у нее в мозгу. – Ведь ты сама видела взрыв и его труп».

Лена лежала в темноте, уткнувшись в подушку, которая была мокрой от слез. В соседней комнате у Ангелины орал телевизор, она нарочно переставила его к их общей стенке

и не убавляла громкость до часу ночи. Лена делала вид, что не обращает внимания.

В этой квартире она жила вместе с братом, его женой и племянником, то есть они жили не вместе, а каждый сам по себе, даже хуже, чем в коммуналке, потому что в коммунальной квартире каждый сосед имеет свои права, а у Лены никаких прав не было, так уж устроила Ангелина.

Квартира принадлежала Лениным родителям, папа был профессором физики, и три года назад его пригласили работать во Францию в маленький городок под Парижем. Лена училась на третьем курсе Финансово-экономического института, брат был уже женат и работал, так что родители рискнули оставить своих взрослых детей и уехали в Париж вместе.

Это мама настояла, чтобы Лена поступала на экономический, хватит в семье физиков, говорила она. Лена изучала банковское дело, папа обещал потом устроить ее стажироваться во Францию. На каникулах после третьего курса она на две недели приехала к родителям в Париж. Собственно, жили они не в Париже, а в маленьком университетском городке Орсе, до которого из центра Парижа можно было доехать за тридцать минут в скоростной электричке. От станции к их дому нужно было подниматься по длинной-длинной лестнице, но зато сверху открывался прекрасный широкий вид на окрестные поля – зеленые и золотые квадраты убегали к горизонту и таяли в солнечной дымке.

Лена просто не узнала родителей – они помолодели, лица у них светились, они держались за руки и обнимались, как влюбленные подростки... Такими она их и запомнила.

Отец преподавал физику в университете, а мама была свободна, и они с Леной на целый день уезжали в Париж, чтобы окунуться в его нескончаемый праздник.

Ей все нравилось в этом городе – и бесконечная суэта Латинского квартала, греки, продающие огромные бутерброды с уличных лотков, студенты, смеющиеся, галдящие, целующиеся, и яркие уличные карусели у подножия Сакре-Кер, и негры-уборщики в зеленой униформе с нарядными зелеными метелочками, и кривые горбатые улочки Монмартра, и уличные торговцы, запускающие в небо сувенирных игрушечных голубей, вспархивающих в воздух с оглушительным стрекотом, распугивая стаи своих живых собратьев, и солидные черные няни, выгуливающие малолетних белых разбойников в Люксембургском саду, и Пале-Рояль...

Потом Париж очень часто снился ей, но попасть туда наяву ей больше не удалось. Той же осенью ее родители поднимались по ступенькам станции метро Сен-Мишель, когда прогремел взрыв. Ответственность за него приняла на себя какая-то экстремистская мусульманская организация. При взрыве погибли семь человек, в том числе профессор из России с женой.

Когда Лена с мамой гуляла по Парижу, она поначалу долго оглядывалась в поисках урны, чтобы выбросить туда оберт-

ку от мороженого. Все урны были зачем-то затянуты пластиковой пленкой. На ее вопрос мама ответила, что так стали делать, чтобы террористы не могли подбрасывать в урны взрывные устройства. Лена пожала плечами: это показалось ей чудачеством перестраховщиков-французов.

Родителей похоронили в Париже на русском кладбище Сен-Женевьев-де-Буа. Через месяц в Россию прислали страховку. Благодаря ей Лена смогла закончить учебу и вообще жить эти годы.

Родители снились ей почти каждую ночь – молодые, улыбающиеся, счастливые, какими они были в Париже.

Денег от страховки, которые они поделили с братом пополам, хватило на скромную жизнь, учеба в институте подходила к концу, но вопрос с работой оставался открытым. Ленины однокурсницы, посматривая на нее свысока, обсуждали между собой, в какую престижную фирму устроят их родители благодаря своим друзьям и связям.

Лене приходилось рассчитывать только на собственные силы, на свои способности, знания и трудолюбие, то есть рассчитывать ей было не на что – так, по крайней мере, считали ее однокурсницы.

Когда были живы родители, у Лены с братом были хорошие отношения, они с детства дружили, хотя он был старше на восемь лет. Брат женился рано, в двадцать четыре года, привел Ангелину – худенькую, невысокого роста, какую-то незаметную. Лена сразу поняла, что матери она не понравилась.

лась, но мама ничем не показывала своего отношения, наоборот, была с Ангелиной преувеличенна любезна. Сама Лена как-то не могла найти с невесткой точек соприкосновения, да особенно и не стремилась к сближению. Когда пришло сообщение о смерти родителей, Лена с братом горевали вместе, как раньше в детстве, когда они все делали вместе. Он приходил вечерами в комнату Лены, и они сидели, обнявшись, на диване, Лена плакала у него на плече, он только гладил ее и вздыхал. Но Лене становилось легче от присутствия родного человека.

Ангелина после смерти родителей расцвела пышным цветом. Для начала она прекратила утешительные посещения брата, да он и сам понемногу отвлекся – семья, работа отнимали много времени. Ангелина задалась целью показать Лене, кто в доме хозяйка, и довольно скоро в этом преуспела. Все складывалось из мелочей, жаловаться брату было бы просто глупо – мужчины не обращают внимания на такие вещи. Тем более что вначале Лена была в таком состоянии, что вообще не реагировала на окружающих. Именно тогда она встретила Вовчика. Вовчик был другом детства. Еще давно, в детстве, когда они с родителями жили в маленькой двухкомнатной квартирке в пятиэтажке на Малой Охте, на площадке с ними жили два мальчика. И Лена с ними образовала, так сказать, соседское сообщество. Они не очень афишировали свою дружбу, но часто встречались то у Лены, то у Жоры. Третьим был Вовчик, Жорка был постарше их на два го-

да, но уважал Лену за серьезность и часто пользовался библиотекой ее отца. Как раз наступило такое время, когда Ленин брат повзрослел и отдалился от нее, поэтому дружбой с Жоркой она очень дорожила, а Вовчик был примкнувший к ним.

Родители тоже общались по-соседски. Компания распалась окончательно, когда Жоркина мать развелась с мужем и по прошествии некоторого времени собралась замуж за английского юриста, которого она совершенно случайно подцепила в «Интуристе», где подрабатывала-то всего два месяца летом. Юрист приехал посмотреть Советский Союз, потому что его прабабка была из России. Никаких следов прабабкиного дома он, естественно, не нашел, но зато в процессе поисков близко познакомился с молодой русской переводчицей Галиной, очень ей увлекся и предложил выйти за него замуж. Лена помнит, как Жоркина мама приходила к ее родителям советоваться, как они долго сидели на кухне, и отец уговаривал тетю Галю уезжать.

– Мир поглядишь! Поживешь по-человечески! Ведь не за людоеда какого-нибудь в Африку – приличный человек, обеспеченный!

У юриста там, в Англии, была практика, дом в предместье Лондона и мама, пожилая, но бодрая.

– Да, конечно, но любовь... – слабо возражала Галина.

– Ты что, с ума сошла? Какая любовь, тебе сорок лет без малого!

– Тебе хорошо говорить, – вздыхала тетя Галя, глядя, как Ленины родители сидят рядышком на одном кресле, – вы друг на друга не надышитесь, весь дом про это знает.

– Вот что, Галина, езжай, не думай, не съедят тебя там. Сыну приличное образование дашь!

Это верно, юрист обещал оплатить Жорке вполне приличное образование. И тетя Галя с Жоркой уехали в Англию.

Первое время приходили восторженные письма, в которых изредка проскальзывали тоскливые нотки. Галина писала, что все очень хорошо, что дом большой, и что све-кровь, встретившая русскую невестку поначалу настороженно, теперь души в ней не чает, потому что Галина, как большинство русских женщин, не избалованных плодами капиталистической цивилизации, оказалась мастером на все руки, сама может чинить сантехнику, сама переклеила в гостиной обои (что их клеить, писала Галина, когда они самоклеющиеся), сама переделала занавески, а эти англичане такие беспомощные: лампочку перегоревшую сменить, и то мастера вызывают. Письма приходили все реже, тоскливых нот в них становилось все меньше, а потом Галина привыкла и совсем перестала писать. Жорка же прислал Лене всего одну открытку на Рождество, там был изображен Санта-Клаус под огромными часами-башней – Биг Бэном.

Без Жорки Лене с Вовчиком было скучно, а вскоре они вообще переехали из этого дома.

Через два месяца после смерти родителей они столкну-

лись с Вовчиком на улице, он первый ее окликнул. Родители Вовчика к тому времени разбогатели, отец владел сетью продуктовых магазинов, они жили в шикарной пятикомнатной квартире, а когда Вовчик, узнав про ее горе, привел Лену к себе домой, его мать встретила ее как родную. Лена была рада увидеть людей, которые знали ее родителей в молодости, можно было говорить с тетей Валею о прошлом, предаваться воспоминаниям. А потом у них с Вовчиком завязался роман. Чужого человека Лена рядом с собой не потерпела бы тогда, а Вовчик был свой, из детства. Все это было так спокойно, не торопясь. Вовчик встречал ее после института, водил в кафе, один раз Лена даже затащила его в театр. Всеми этими ночными развлечениями – клубами, дискотеками – Лена не увлекалась, ей это не нравилось, и она мотивировала свой отказ тем, что не может развлекаться, когда после смерти родителей прошло так мало времени. Иногда Вовчику удавалось затащить ее в постель. Там тоже все было спокойно и непритязательно.

Родители Вовчика очень приветствовали их отношения, и Лена скоро поняла, почему – Вовчик был шалопаем. Он нигде не учился, от армии отец его, естественно, откупил, его пытались пристроить к делу на родительской фирме, но безуспешно. Родители надеялись, что он женится на Лене и остепенится. Лена дипломатично отговаривалась учебой. Когда у нее была сессия или зачетная неделя, Вовчик впадал в загулы с девицами, потом каялся, плакал и просил у Ле-

ны прощения. Лена сама удивлялась, насколько мало ее это трогало.

Дома Ангелина шипела:

– Выходи за него! Пробросаешься! Упустишь!

Потом локти будешь кусать!

Наконец Лена сказала ей, чтобы оставила в покое, потому что ее это абсолютно не касается.

Тогда Ангелина совсем озверела и начала делать гадости исподтишка, потому что ей очень хотелось, чтобы Лена вышла замуж, и тогда она стала бы полноправной хозяйкой в квартире.

В коммунальной квартире у каждой соседки свой стол на кухне, свой холодильник, своя посуда, замок на двери, наконец. В родительской квартире все было общее.

Ангелина в холодильник ставила свою рыбу таким образом, чтобы пропитался запахом Ленин сладкий творожный крем. Стиральная машина тоже была общая. И однажды Ангелина умудрилась подсунуть к Лениному белому белью лиловый трикотажный костюмчик своего сына, и все Ленины вещи после стирки приобрели грязно-сиреневый оттенок. Кроме того, Ангелина настраивала племянника против Лены и поощряла его агрессивные наклонности. После того, как он сломал рамочку, в которой стояла на столе последняя парижская фотография родителей и вырезал кусок из Лениной шелковой блузки, Лена стала запира́ть на ключ письменный стол и шкаф, а ключи прятать.

Но самым любимым развлечением Ангелины было следующее. В их доме всегда был слабый напор холодной воды, поэтому одновременно можно было делать только одно – либо принимать душ, либо пользоваться холодной водой на кухне. Ангелина специально караулила, когда Лена в душе, а потом открывала кран на кухне, причем просто так, а потом, нагло глядя в глаза ошпаренной Лене, говорила, что забыла.

Брат не вмешивался, он много работал, старался поменьше бывать дома, потому что Ангелина и на него все время ругалась. Брат зарабатывал прилично, но Ангелине все было мало.

Она хотела все самое лучшее, и притом немедленно. Сама она нигде не работала, сидела дома с ребенком, причем сыном, как замечала Лена, тоже абсолютно не занималась, а только смотрела телевизор. Мальчишка рос злой, капризный и совершенно неуправляемый. Ангелина на него тоже все время кричала. Голос у нее, обычно негромкий, при крике становился ужасно визгливым.

«Господи, что он в ней нашел?» – не уставала удивляться Лена, день за днем наблюдая за Ангелиной, но спрашивать об этом брата ей не приходило в голову.

* * *

Мать Вовчика тетя Валя относилась к Лене очень хорошо, всегда радовалась ее приходу. Они не виделись лет десять,

но тетя Валя за это время значительно изменилась к лучшему. Она очень похудела, сбросила килограммов двенадцать, занялась собой – один раз в неделю обязательно сауна, два раза массаж, два раза бассейн. Кроме этого тетя Валя ежедневно истязала себя по два часа на тренажерах. В квартире была специальная комната, вся заставленная тренажерами. Только после двух часов интенсивных тренировок, тетя Валя позволяла себе прилечь на диван и посмотреть телесериал или фильм по видику, А ведь еще надо было приготовить обед и к приходу мужа наложить легкий макияж.

Жизнь тети Вали была заполнена, но однообразна – в квартире все было сделано: и евроремонт, и куплены все необходимые и не самые необходимые бытовые приборы. Читать она как-то смолodu не привыкла, правда, в последнее время пристрастилась к любовным романам. Что касается заграничных поездок, то муж тети Вали, отец Вовчика, много работал, был очень занят своим бизнесом и едва-едва мог выкроить две недели для отпуска. Они ездили и на Кипр, и в Испанию – туда, где проводят время обеспеченные русские люди. Одна же тетя Валя ездить никуда не хотела – во-первых, она не знала языка и чувствовала себя за границей некомфортно, а во-вторых, не хотела надолго оставлять мужа без присмотра – только зевни, и набегут молодые длинноногие и наглые...

Поэтому тетя Валя так хотела, чтобы Вовчик женился на Лене, чтобы появились внуки – она жаждала новых впе-

чатлений.

– Мы так славно с тобой заживем, – говорила она Лене, – будем всюду ходить вместе – в сауну, по магазинам. купишь себе все, что хочешь. Я всегда мечтала о дочке.

И Лена знала, что так и будет, тетя Валя будет баловать сначала ее, Лену, а потом внука или внучку. Тетя Валя ее искренне любит, муж ее ни во что не вмешивается, а Вовчик, хоть и шалопай, но характер у него легкий, и ужиться с ним будет достаточно просто. Но Лена все медлила с окончательным решением. Ее пугала мысль, что замужество будет не началом, а концом всего.

После свадьбы у нее начнется такая же спокойная и размеренная жизнь, как у тети Вали, но тетя Валя любила и уважала своего мужа, была благодарна ему за то, что он создал для нее эту жизнь. Кроме того, их связывали годы совместной жизни, а что будет связывать Лену и Вовчика, кроме общего ребенка, да и каким Вовчик будет отцом?

Дома ненависть Ангелины набирала обороты, ее изобретательность и деловитость не знали пределов. Как-то в выходной, когда Лена решила побыть дома и заняться хозяйством, Ангелина умудрилась зажечь полный газ под кастрюлей с тушившейся капустой, хотя Лена точно помнила, что поставила ручку на минимальное деление. Капуста сгорела в уголья, вдобавок еще жутко воняла, а Ангелина еще имела наглость устроить скандал из-за испорченной кастрюли! И пока она отвлекала Лену криками о неумехах, которые да-

же простого дела не могут сделать, а только портят чужие вещи, хотя кастрюля была еще мамина, племянник, этот от-
вратительный мальчишка, успел тайком поставить деление
термометра в стиральной машине вместо тридцати градусов
на девяносто, а в машине находилась белая шелковая пижа-
ма, подаренная ей матерью в Париже.

Папа не одобрял их с мамой походов по магазинам, го-
ворил, что Лена приехала на две недели и жалко тратить
на это время – надо смотреть Париж. Вот в следующий раз,
когда Лена будет отдыхать подольше, да и денег будет по-
больше, тогда пожалуйста, бегайте по магазинам, покупайте
себе тряпки...

Следующего раза не получилось.

Мама смеялась и отмахивалась от отца. "Что ты понима-
ешь в тряпках и вообще в женщинах!

Быть в Париже и не купить одежды! Да ее подруги засме-
ют".

Они ходили в недорогие магазины – «Тати», C&A.

«Это ничего, что тут самообслуживание, – говорила ма-
ма, – и к нам не бросается десяток продавщиц. Мы люди
не гордые. Зато тут подешевле».

Но в последний день мама повела Лену в дорогой прилич-
ный магазин «Макс и Спенсер».

"Выбирай, что хочешь, в подарок, – сказала мама и доба-
вила, смеясь:

– Разумеется, в разумных пределах".

Лена выбрала белую шелковую пижаму, как у Ким Бессинджер в фильме «9 1/2 недель». Абсолютно бесполезная вещь, но подарок есть подарок.

Она редко надевала пижаму, берегла как память.

И вот сегодня черт дернул ее положить пижаму в стиральную машину! Но она ведь поставила щадящий режим и всего тридцать градусов.

Вытащив из машины разползшуюся пижаму, Лена почувствовала, что терпение ее лопнуло. Она вышла в коридор, где племянник гонял французскую инерционную машинку. Увидев ее лицо, он заорал, хотя Лена даже не сделала попытки к нему подойти. Тут же выскочила Ангелина и стала причитать над ним фальшивым голосом. Лена молча смотрела на них и внушала себе, что это сын ее родного брата и внук родителей, что в них есть общая кровь. Ничего не помогало.

Наверное, Медея сварила своих детей за что-либо подобное, а не потому, что хотела отомстить Язону!

Ребенок замолчал, Ангелина тоже. Лена выбросила в мусоропровод остатки пижамы, отправила туда же капусту вместе с кастрюлей, не слушая протестов Ангелины, потом ушла в свою комнату и стала собирать вещи, глотая слезы.

Что-то сегодня ей было совсем плохо. Может быть, потому что пресловутые критические дни все не наступали, уже была задержка на полторы недели? Лена чувствовала себя плохо и уже почти уверилась, что беременна. Она знала, что стоит ей только сказать об этом Вовчику, как жизнь ее вол-

шебно изменится. Тетя Валя будет ходить с ней по врачам, закармливать фруктами и витаминами, устроят пышную свадьбу, все девять месяцев будут сдуть с нее пылинки...

Лена набрала номер телефона Вовчика, там было занято. Его мобильник был отключен. Лена прислушалась. Вернулся брат, все семейство ужинало на кухне. Она тихонько проскользнула в ванную, привела себя в порядок и вышла подышать свежим воздухом. Нужно было заниматься, но болела голова, да и настроение хуже некуда.

Если она выйдет за Вовчика, то зачем ей вообще институт? Она купила в ларьке два банана и съела их прямо на улице. На сегодня вопрос с питанием решен, можно не появляться на кухне. Поздно вечером она опять позвонила Вовчику. Тетя Валя извиняющимся тоном сказала, что не приходил.

Лена поняла – Вовчик опять загулял. Рано утром она поняла, что критические дни все же наступили. Лена приободрилась, задвинула подальше недособранную сумку и побежала в институт, с облегчением выбросив из головы мысли о замужестве. Она не любит Вовчика и никогда не полюбит. Жаль тетю Валю, была бы у Лены изумительная свекровь! Но не судьба. Сам виноват, злорадно подумала Лена про Вовчика, если бы он был вчера дома, я бы вышла за него замуж.

А через месяц в институт приехал Александр Васильевич Строганов.

Заведующий их профильной кафедрой был моложавый профессор Георгий Валентинович. Хотя лет ему было прилично за сорок, но, как он сам про себя говорил, для мужчины это не возраст, тем более что выглядел он очень молод. Он был деловит, уважал сам себя за то, что в свое время выбрал специальность, которая теперь приносит немалый доход, а то преподавал бы какую-нибудь техническую науку и прозябал бы сейчас на нищенскую зарплату. Институт процветал, его кафедра тем более. Все среднеобеспеченные люди хотели дать своим детям экономическое образование, хотя, положив руку на сердце, Георгий Валентинович мог сказать, что оно поможет богатым деткам как мертвому припарки. И дело даже не в том, что детки совершенно не хотели постигать азы науки, а в том, что банковское дело в нашей стране совершенно неразвито, и о какой науке может идти речь, если вообще еще неясно, по какому пути страна пойдет – может, через несколько лет при следующем президенте пошлют весь этот псевдокапитализм подальше и выдумают совершенно новый строй в одной отдельно взятой стране, как утверждал давнишний вождь и учитель. Но мысли эти Георгий Валентинович держал пока что при себе. Хотят люди обучать детей экономике и финансам – да пожалуйста, хотя, видит Бог, для какого беса нужно столько специали-

стов, никто не знает. Но люди хотят и ничего для своих детей не жалеют. Не может чадо учиться как следует – папа окажет институту спонсорскую помощь, и ничего в этом плохого нет. А уж на платном отделении деньги текут рекой совершенно официально. Словом, Георгий Валентинович жил хорошо. Он был всегда весел, приветлив, в хорошо сидящем дорогом костюме.

Кроме того, Георгий Валентинович любил бывать в окружении молодежи, особенно хорошеньких студенток. Этого в институте было много – девочки из обеспеченных семей, одеты, ухожены, посмотреть приятно.

Георгий Валентинович был человеком общительным, при его работе иначе и нельзя, имел множество знакомых и старых друзей тоже не забывал, мало ли кто пригодится! Среди бывших одноклассников и сокурсников были разные люди, кто-то устроился в жизни хорошо, кто-то – не очень. Георгий Валентинович очень обрадовался, когда позвонил ему старый приятель, бывший одноклассник Сашка Строганов и попросил встретиться. Александр Строганов стал большим человеком, заместителем управляющего крупным банком, это была хорошая карьера, поэтому Георгий Валентинович назначил встречу как можно скорее. Очень полезно оказать хоть маленькую услугу такому человеку, мало ли как потом жизнь сложится, придется, может быть, и к нему обратиться.

Они посидели немного в кабинете Георгия Валентинови-

ча одни, выпили коньячку, вспомнили молодость.

– Вот что, Георгий, – сказал Александр, – подбери мне девчущку какую-нибудь скромненькую, хочу ее в банк взять.

– С чего это ты благотворительностью решил заняться? – неподдельно удивился Георгий Валентинович.

– Да так. Понимаешь, и те дают, и эти, все хотят своих племянниц да любовниц устраивать, а мне это надо? А так возьму кого-то со стороны и скажу, что место уже занято, чтобы никому не обидно было.

Георгий Валентинович удивился, с чего это заместителю управляющего заниматься такими пустяками, дел у него больше нет, что ли? Но потом он решил, что действительно, там, в банке, свои интриги, а ему ведь не трудно подобрать девочку.

– Тебе какую – блондинку, брюнетку? – рассмеялся он.

– Да все равно! – с досадой махнул рукой Строганов. – Не в этом же дело! Только чтобы поскромнее была, не из этих крутых.

– У нас ты поскромнее не очень-то найдешь, хотя... есть тут одна, Леночка Барташова, такая бедненькая-бледненькая, у нее вообще родителей нет, ни крутых, вообще никаких.

– Как она к вам попала?

– Как все, а потом, два года назад, родители у нее погибли, оба. В Париже, от взрыва террористической бомбы.

– Не повезло девочке.

– Да уж. А слушай, – оживился Георгий Валентинович, – сделай доброе дело, устрой девчонку на приличное место. Она вообще-то с головой и старательная, учится хорошо.

– Разве в вашем институте это имеет значение? – удивился Строганов.

– Я же все-таки преподаватель, я научить их чему-то хочу. Меня иногда, не поверишь, тошнит от дур этих без мозгов!

– Понимаю, – согласился Строганов. – Мы вот что сделаем, ты мне дай дела их личные почитать, выбери человек шесть подходящих. А потом я приеду, и мы устроим как бы собеседование, чтобы все как по-настоящему. Навешай им лапши на уши, чтобы все официально было, а то начнутся расспросы, за что взяли да почему? А я уж выберу, кто понравится, может, и эту возьму, как ее – Лена?

* * *

Георгий Валентинович собрал их пятерых в кабинете.

– Вот что, мои дорогие девочки. Завтра придет к нам в гости мой приятель, заместитель управляющего банком. Ему нужны кадры, так что предстаньте перед ним во всей красе. Все, что от меня зависело, я сделал, а теперь вы уж сами постарайтесь, в грязь лицом не ударьте.

Девчонки засуетились, ах как интересно, только Лена была спокойна – ей ничего не светило.

Вика Королева, которая считалась первой красоткой

на курсе, хотя, по мнению Лены, если бы не косметика и безумно дорогие шмотки, от Викиной внешности ничего бы не осталось, нахально сказала, что эта работа считай что у нее в кармане.

На вопрос девчонок, почему это она так уверена, она загадочно улыбнулась и ответила, что у нее свои источники информации. Как будто для кого-то было секретом, что у нее с Георгием Валентиновичем были свои особые отношения. Она сама трепалась, как он возил ее на дачу и как там какие-то бабы, не то соседи, не то знакомые, громко говорили, так чтобы все слышали, что они в первый раз видят у Георгия любовницу-брюнетку.

Дальше Вика переходила на шепот и хихиканье.

Лена в таких разговорах участия не принимала, ей было неинтересно.

Банкир приехал, он был ужасно интересный, как заметила Вика, и тут Лена не могла с ней не согласиться. От него исходило чувство уверенности и силы, он был спокоен, вежлив и приветлив. Он поговорил с каждой из них. Лене он задал вопросы про учебу, Лена стеснялась, отвечала тихо.

– Не надо меня бояться, я не кусаюсь! – рассмеялся он.

Лена посмотрела на него и увидела, как он хорош. Он был высокий, крупный, вальяжный, волосы, чуть тронутые сединой, лежали свободной волной. Они поговорили еще немного, он спросил ее, где она живет, будет ли ей удобно ездить. Она посмотрела на него удивленно.

– Да-да, я думаю, вы нам подойдете. Вам сколько еще учиться?

– Месяца два, – ответила Лена чуть не шепотом, она не могла поверить своему счастью.

– Значит, вот вам номер моего мобильного, звоните лично мне, как только будете готовы. Но я советую вам не тянуть.

– Конечно!

– До свидания, Лена.

Немного обалдевшая, Лена вышла из кабинета.

Строганов уехал, девчонки все узнали от Георгия Валентиновича, он сказал, что банкир выбрал Лену за отличную учебу и знания. Фыркнув на Лену, они удалились, потом толстая добродушная Света Новикова вернулась и поздравила ее.

– Вообще-то, если за учебу, то все правильно, не зря же ты корпела!

– Георгий Валентинович! – Вика проскочила к кабинет. – Как же так?

– Вот так, киска, – он успокаивающе похлопал ее по попе, – говорил же я тебе, что знания никогда не помешают, а ты сопротивлялась, не хотела загружать свою хорошенькую головку, вот банкир и взял умницу Леночку.

– Мырма! Целый год ходит в одной юбке!

– Вот она станет работать в банке и оденется как следует, – поддразнивал он Вику, – а ты не завидуй. У тебя папа

с мамой есть, а ей помочь некому.

Лена до самого последнего времени не верила, что ей досталась такая работа, пока после получения диплома не позвонила Строганову с замирающим сердцем, и он не пригласил ее прийти.

* * *

Лене очень нравилось в банке. Ее окружали независимые, свободные, решительные люди. Казалось, у них не было мелких бытовых проблем, так портящих других людей, прежних Лениных знакомых. Ей нравилась ее работа, хотя пока она была только исполнителем – старательным и аккуратным, но она чувствовала важность, ценность своего труда, ее волновало ощущение мощи протекающих через ее компьютер огромных финансовых потоков, запах больших денег, как бы аккумулирующих человеческий труд, время, судьбы.

Только много позже она почувствовала скрытую жизнь банка, царящие в нем интриги, игры интересов и влияний, страсти и амбиции, скрывающиеся за уверенными лицами и широкими улыбками этих, на первый взгляд, свободных, сильных, решительных людей. Много позже она узнала, в чем крылась причина радушного отношения к ней окружающих: ее привел в банк Строганов, о ней ничего не знали, считали его человеком и гадали – почему он ее привел – то ли за ней кто-то стоит, у нее есть мощные связи, нужные

Строганову, то ли Строганову нужен свой, надежный человек в отделе ценных бумаг, потому что он копает под начальника отдела, то ли просто постельные дела, – короче, считали ее темной лошадкой, от которой всего можно ожидать, и поэтому старались на всякий случай не портить с ней отношения.

Сам Строганов какое-то время как будто не проявлял к ней интереса, в отдел не заходил и случайно с ней в коридорах банка не сталкивался. Лену это немного задевало, ей казалось естественным, чтобы он заглянул как-нибудь к своей «крестнице», поинтересовался, хорошо ли ей на новом месте; но сама она, разумеется, инициативы не проявляла. Один-два раза заметив его издали, она не могла не сказать себе, как он красив и уместен в банке – казалось, та финансовая мощь, что циркулировала в этих стенах, наполняла его силой, энергией, уверенностью, и, наоборот, его энергия перетекала в финансовые артерии банка. Он и банк составляли единое целое, единый живой организм, казалось, он говорит, как персонаж известного рекламного ролика – «это мой банк!».

И это ощущение исходящей от Строганова силы и уверенности странно волновало Лену.

Однажды, возвращаясь с работы, она решила немного пройтись. Отойдя от банка на два-три квартала, она услышала рядом с собой вкрадчивый шорох шин тормозящей машины. Оглянувшись, она увидела черный БМВ. Дверца распах-

нулась, и мягкий бархатный баритон Строганова произнес:
– Садитесь, Леночка, я вас подвезу.

Позже она с удивлением думала: почему она ему починилась? И что было бы, если бы она тогда вежливо отказалась? Изменилась бы ее жизнь, или судьба всегда находит способ настоять на своем? Скорее всего, она уже тогда была заражена его обаянием, обаянием силы и власти. Во всяком случае она не раздумывала, не колебалась, она села в черную машину, тем самым предопределив свою судьбу – а может быть, не только свою.

Он расспрашивал ее о работе, о том, как отнеслись к ней сотрудники, о том, хватает ли ей полученных в институте знаний, а она ему отвечала, но то, что происходило в это время между ними, было за словами и над словами: ее завораживал сам его глубокий бархатный голос, уверенные мужественные интонации. Она чувствовала, как тело ее сладко слабеет.

Он привез ее в известное кафе на Измайловском проспекте. Поздними вечерами и ночью это кафе с самым знаменитым в городе стриптиз-шоу всегда наполнялось людьми, но сейчас было еще рано, зал почти пуст. Он что-то заказал, она ела, не чувствуя вкуса того, что ела и пила: она только слушала музыку его голоса. Он взял ее за руку, поцеловал тонкие пальцы, и ее словно пронзило высоковольтным разрядом.

Почувствовав ее состояние, он расплатился и вышел с ней

из зала. В машине он позвонил какому-то другу – он назвал его Юрием, скоро она узнала, кто этот друг, – и попросил разрешения воспользоваться его квартирой.

Они подъехали к дому на набережной Карповки. В холле сидел охранник – Строганов поздоровался с ним, и охранник протянул ему ключ.

«Юрий Николаевич просил вам передать», – сказал он вполголоса, но не позволяя себе каких-нибудь улыбочек или заговорщицкого тона, но тем не менее Лена почувствовала себя невероятно неловко, ей показалось, что охранник, демонстративно ее не замечая, только подчеркивает свое презрение, а сам готов раздеть ее взглядом, но она отбросила эти мысли. В состоянии все того же сладкого гипноза она поднялась со Строгановым на третий этаж, вошла в большую, прекрасно отделанную квартиру – опять-таки только позже она разглядела эту квартиру, а тогда, в первый раз, она ничего вокруг себя не замечала.

Он полностью взял на себя инициативу, быстро и уверенно раздел ее – его руки, казалось, сами сделали это, прошли многократно хоженую, хорошо знакомую дорогу, в то время как его голос продолжал обволакивать, опутывать, гипнотизировать ее...

Он овладел ею уверенно, но нежно. Ей не было в тот раз особенно хорошо, но это даже показалось ей не важным: важно было чувство его власти, чувство подчиненности его рукам, его телу, его желаниям. Она была как мягкий воск

в его сильных руках, и это опьянило ее больше физического наслаждения. Она могла позволить себе стать слабой, и это было прекрасно.

Потом они лежали, усталые и умиротворенные, и разговаривали. Они беседовали ни о чем, но она вдруг неожиданно для себя заговорила о своих родителях, она ни с кем о них не говорила, это причиняло ей боль, но вот сейчас, с ним, после ласк, слова полились, будто прорвало какой-то шлюз... и она почувствовала облегчение. Она взглянула на него – он внимательно слушал, и в глазах его Лена заметила сострадание.

– Бедная девочка. – Внезапно он встал, вышел из комнаты и вернулся с бутылкой шампанского и двумя бокалами.

– «Дом Периньон» восемьдесят шестого года, – сказал он, и в его голосе прозвучала гордость.

– Я не разбираюсь в таких дорогих винах, – ответила она смущенно, хотя это было не совсем так, отец в Париже прочитал ей краткую лекцию о французских винах, он вообще был человек очень увлекающийся, вина хорошие любил, а когда французский коллега пригласил его как-то к своим родителям в Бургундию на уборку винограда, отец поехал с удовольствием, подружился там с хозяином и вникал во все тонкости виноделия.

– Ты будешь в них разбираться, я тебя научу.

Мы поедем с тобой в Париж, ты мне покажешь свой Париж – музеи, Латинский квартал, и это аббатство, как ты ска-

зала, оно называется?

– Ключни.

– Вот-вот, Ключни. А то я там был уже столько раз, а все одни и те же места: Лидо, Мулен-Руж, в лучшем случае – галерея Лафайет...

Потом они собрались и ушли, он отвез Лену домой, а наутро ничем не показал, что помнит, где они с Леной были вчера и чем занимались.

* * *

На следующий день после катастрофы Лену вызвал к себе начальник службы безопасности банка Костромин.

– Присаживайтесь, Елена Юрьевна! – Костромин указал ей на глубокое кожаное кресло, а сам встал, вышел из-за стола и подошел к ней.

Рослый, плечистый мужчина, он тем самым еще больше увеличил их разницу в росте, навис над ней с какой-то невысказанной угрозой.

– Елена Юрьевна, я понимаю, вы переживаете смерть Строганова... Я тоже был его другом, но тем не менее есть моменты, которые мы с вами должны прояснить.

– Да, конечно... спрашивайте, я постараюсь помочь вам всем, чем могу.

– Елена Юрьевна, от сотрудников банка мне стало известно, что вы с покойным были... в близких отношениях.

Лена посмотрела на него с удивлением. Если кто-то из сотрудников банка и знал об их близких отношениях с Александром, то в первую очередь это был Костромин, его близкий друг... Но если он сейчас так говорит – значит, так ему зачем-то надо. Лена примет его игру, потому что ей все равно.

– Допустим, это так.

– Я не собираюсь выяснять у вас подробности, но я хотел бы спросить, не заметили ли вы в последние две недели каких-либо странностей в поведении Александра Васильевича.

– Нет, ничего такого, – она пожала плечами, – все было как обычно.

– А не говорил ли он вам о каких-то своих планах, о возможности больших перемен, не собирался ли он куда-то уехать?

– Нет, ничего этого он мне не говорил.

– А не передавал ли он вам? – Костромин наклонился к ней, навис над ней, и голос его стал тихим и угрожающим:

– А не передавал ли вам покойный какую-нибудь дискету или, может быть, компакт-диск?

– Нет, ничего он мне не передавал. – Лена попыталась отстраниться, но только вжалась в мягкую спинку кресла. – А в чем дело? Что происходит, Юрий Николаевич?

– Ничего. – Он выпрямился, взглянул на нее тяжелым продолжительным взглядом близко посаженных глаз, затем

отошел к окну, отвернулся. — Но если вы что-то вспомните, я надеюсь, что вы это мне сообщите.

И так же, не поворачиваясь, как будто он разговаривал не с ней, а с кем-то невидимым, прячущимся за окнами банка, он закончил разговор, холодно бросив:

— Вы свободны.

Через полчаса Костромин вошел в кабинет управляющего банком. Управляющий смотрел на него зверем. Его одутловатое лицо было мрачнее тучи.

— Ну?

— Она все отрицает.

Лицо управляющего еще больше побагровело.

Он грохнул кулаком по столу и заорал:

— Отрицает? А ты у меня на что? Девке сопливой язык развязать не можешь?

— Не могу же я ее пытать... Пока, по крайней мере. Будет следствие по поводу взрыва, а она — свидетель, самый главный. С ней будут работать.

Если она сейчас исчезнет, следствие этим заинтересуется...

— Ты идиотом-то не прикидывайся! Я тебе не велю ее пытать! Ты что, первый день на свете живешь, не знаешь, как девке язык развязать?

Учить его надо! Подпой, в постель уложи... Что ты младенца-то изображаешь?

— Артур Виленович, вы твердо уверены, что это дело рук

Строганова?

– Еще как уверен! Без его ведома такая сумма из банка уйти не могла! Только два человека имели доступ к этим счетам – он и я! Я еще не сбрендил, и знаю, что ничего не делал, а ты, уж не на меня ли думаешь?

– Что вы, Артур Виленович, – Костромин скромно потупил взор, – но ведь Строганов погиб...

– А ты дружка-то своего не защищай. Я ведь не забыл еще, что это он тебя привел. Ну и что, что погиб! А денежки-то уплыли. Такие огромные деньги! – Голос управляющего стал тише, в нем зазвучали даже какие-то доверительные интонации:

– Пойми, Юра, пропали такие огромные деньги, что если мы их не найдем – понимаешь меня? Мы, мы с тобой! – то нам не только в банке не работать, но и на этом свете, скорее всего, не жить.

– Понимаю, Артур Виленович. Понимаю...

– Так что можешь использовать все возможности банка, любые средства, но деньги эти ты мне найди.

Лена была в недоумении. Чего хотел от нее Костромин? Какой-то пустой разговор, ни к чему не обязывающий. Раньше он всегда был с ней безукоризненно вежлив, а впрочем, они мало общались, Может быть, теперь все будут с ней так?

Ведь она была человеком Строганова, Строганов погиб, значит, и Лена теперь никому не интересна. Вряд ли она долго продержится на этой работе. Как ни была Лена расстроена

смертью Александра, мысль, что она потеряет такую хорошую работу, не улучшила ее настроение – мало навалилось на нее всего, так еще и это! Костромин – начальник службы безопасности банка, ему по должности положено расследовать смерть заместителя управляющего, но неужели он не сообразил, что таким путем он ничего от Лены не добьется. Даже если бы она и знала что-то о смерти Строганова, то ничего не сказала бы Костромину.

Вот если бы он поговорил с ней по-хорошему... хотя теперь Лена знает, что он ведет свою игру, и вообще не будет с ним разговаривать.

Лена с трудом дождалась окончания рабочего дня. Теперь ей было невыносимо находиться в банке. То ли дело раньше, когда она летела на работу как на крыльях, зная, что встретит там Александра. И хоть днем на работе они мало общались, все равно было так приятно его видеть...

* * *

После первой их встречи тогда, на квартире Костромина, прошла неделя. В тот следующий вечер они встретились тоже как бы случайно. Лена заметила знакомую машину, подбежала с радостно бьющимся сердцем. Он улыбался, но краешком глаза она уловила тень заботы на его лице – он не хотел, чтобы их видели вместе.

Сегодня он был молчалив, вел машину, не отвлекаясь. Ле-

на с удовольствием смотрела на его сильные руки, уверенно лежащие на руле.

– Куда мы едем? – наконец спросила она.

– Узнаешь! – Он загадочно блеснул глазами.

Они приехали в район, удаленный от центра, он поставил машину на стоянку, потом они шли мимо ларьков между домами, обошли детский садик.

– Сюда! – сказал он. – Запомни номер дома.

Дом был обычный девятиэтажный, подъезд довольно обшарпанный, домофона на дверях не было. Они поднялись на лифте на шестой этаж, он открыл своими ключами дверь однокомнатной квартиры.

– Вот, теперь это наше временное пристанище!

– Чья эта квартира?

– Наша, – он засмеялся, – я снял ее для нас.

– Правда? – Лена не верила своим ушам.

Значит, та встреча не была мимолетной, не была его случайным капризом, и все его слова про Париж и про дальнейшую счастливую жизнь тоже могут быть правдой? И дело даже не в Париже, значит, действительно он хочет с ней быть, проводить с ней время, значит, она ему нравится!

Александр провел ее в комнату.

– Вид, конечно, пока не обжитой, но ты наведешь тут уют.

– Конечно! – прошептала она, глядя на него счастливыми глазами.

– И давай договоримся, девочка моя, мы будем приходить

сюда порознь, и ты никому не будешь рассказывать про эту нашу квартиру. Видишь ли, не надо, чтобы в банке ходили всякие сплетни про нас, и потом, я все-таки человек женатый. – Он виновато улыбнулся.

– Конечно, я все сделаю, как ты хочешь, я не хочу, чтобы у тебя из-за меня были неприятности.

– Умница. – Он поцеловал ее нежно-требовательно, потом отвел в прихожую.

– Вот смотри! – Он закрыл дверь на все замки. – Теперь к нам никто не сможет войти, пока мы сами не откроем. И еще. – Он достал из кармана пальто мобильный телефон и отключил его.

– А теперь мы только вдвоем и времени у нас предостаточно. Иди сюда!

У Лены было мало опыта. Вовчик, а до него один парень из института – вот и все. Теперь она поняла, что все прошлое было ничто. Она даже посочувствовала бедному Вовчику. Бегает, суетится, меняет девиц как перчатки, а для чего?

В комнате был полумрак, на письменном столе горела только настольная лампа. Они лежали рядом молча, успокаиваясь.

«Вот как это бывает, – думала Лена. – И все правда, как в книжках пишут».

Но невозможно, чтобы так было у всех, у ее родителей – да, конечно, но у Ангелины с братом?

Чтобы после такого кричать друг на друга и обсуждать мелкие проблемы? Нет, так не у всех, это большая редкость, ей повезло. И это сделал он, этот человек рядом с ней, он волшебник.

«Я люблю его», – думала Лена.

Время протекло незаметно, надо было собираться.

– Мы будем приходить сюда так часто, как только возможно, – прошептал он.

Когда стояли в прихожей и Лена надевала пальто, он достал из бумажника несколько крупных денежных купюр.

– Да, малыш, совсем забыл – купи себе что-нибудь.

На долю секунды Лена застыла на месте.

«Что это? Деньги? Мне?»

Он все понял, прежде чем она успела что-либо сказать, схватил ее, обнял крепко-крепко.

– Прости, прости меня. Я не хотел. Просто мне некогда искать тебе подарок, я хотел, чтобы ты сама купила, на свой вкус.

Он подхватил ее, понес в комнату и усадил там на диван.

«Черт, черт, черт! – стучало у него в мозгу. – Как же я так прокололся? С ней так нельзя!»

Он встал на колени и заглянул в ее глаза, полные слез, взял ее руки в свои, целовал тонкие пальцы.

– Не надо, не надо плакать. Прости меня, я дурак.

Лена посмотрела на его расстроенное лицо и перевела дух.

– Никогда больше так не делай! – прошептала она ему куда-то в плечо.

Дома Ангелина кое о чем догадалась, посмотрев на Лену и сопоставив ее позднее возвращение с усталым видом. Пока Лена рылась в холодильнике, с отвращением нюхая сыр, который весь был облит чем-то красным, не то кетчупом, не то вареньем, Ангелина стояла в дверях и наблюдала. Лена подошла к пеналу, где у нее, она знала, оставалось полпачки крекеров. Но крекеры оказались съеденными, только пакет пустой лежал.

– Тебе что, своего печенья не на что купить? – разозлилась Лена. – Чужое подьедаешь!

– Что? – Ангелина страшно обрадовалась, что ее провокация удалась и можно устроить скандал, но все же время было позднее, брат и племянник спали, и они переругивались злым шепотом.

– Что я, по-твоему, воровка? – взвизгнула Ангелина.

– И дура к тому же! Думаешь, так просто меня выжить из квартиры! Я тут прописана, вот разделю ордер, а потом поменяюсь и вселю вам алкоголика! – Лена сама от себя не ожидала таких слов, а тем более таких действий, все дело было в том, что последний раз она ела сегодня в три часа и больше маковой росинки во рту не было, даже кофе.

Есть хотелось зверски, и она безумно разозлилась.

– Да я сейчас Лешу разбужу! – не унималась Ангелина.

– Иди, иди, он тебе тоже скажет, что ты дура.

И только попробуй опять холодную воду пустить, пока я моюсь, — выскочу в чем есть и так тебяогрею!

Ангелина трусливо удалилась с поля боя, а Лена легла спать на голодный желудок, зато с чувством морального удовлетворения.

* * *

Через некоторое время Александр стал для нее всем. Он просто заполнил собой все окружающее ее пространство и заменил собой всех. Больше Лене никто не был нужен — ни родственники, ни подруги, которых и без того было мало. Институтских знакомых Лена встречала редко, а в банке к ней относились настороженно. Лена была от природы очень сдержанным человеком, смерть родителей еще более усугубила эту черту ее характера.

Теперь даже воспоминания о родителях отошли не на второй план, нет, а куда-то в глубину сердца.

С ним Лене было хорошо и интересно. На работе ей нравилось смотреть на него исподтишка, разговаривать с ним вежливо-спокойным тоном, если ему что-то надо было выяснить. Когда они оставались одни в их маленькой снятой квартире, Лене нравилось слушать звук его голоса. Он был хорошим рассказчиком, очень наблюдательным и вообще далеко не глуп. В постели он околдовывал и завораживал ее так, что она переставала себя ощущать. Глядя в его темные

непроницаемые глаза, ей хотелось уйти в них и раствориться там навсегда. Волосы у Лены были темно-русые, а кожа светлая, нежная как у блондинки. В первое время Лена стеснялась, когда он пристально ее рассматривал, пока он не объяснил ей, что мужчинам это нравится. Он гладил ее кожу, ему нравилось, что она такая шелковистая, он ласково называл Лену Белоснежкой.

– Ты совсем не такая, как кажешься! – с удивлением говорил он, Лена только позже поняла, что он имеет в виду.

Лена никогда не считала себя красивой. В их семье детей воспитывали так, что они больше интересовались внутренним содержанием. А потом, после смерти родителей, Лена вообще потеряла интерес к собственной внешности.

Александр научил ее относиться к своему телу, как к драгоценной вещи. Теперь Лена холила и лелеяла себя. Зарплата ее в банке была вполне приличная, хватало денег на красивую одежду и дорогую косметику. Они встречались с Александром раза два-три в неделю, не больше, а в остальное время Лена не спеша ходила по магазинам, присматривая, выбирая, создавая свой стиль. Она была выше среднего роста, ноги длинные, лишнего веса не было, скорее, наоборот. Ей шли строгие деловые костюмы классического покроя – жакет, прямая юбка. Вечерами Лена придумывала, примеряла, рассматривала себя перед зеркалом. Понемногу она сформировала свой гардероб и вообще весь внешний вид с учетом своих желаний, возможностей и специфики рабо-

ты. По прошествии нескольких месяцев по взглядам женщин в банке Лена поняла, что добилась успеха. Теперь по утрам из большого зеркала в коридоре на нее смотрела стройная элегантная молодая женщина в строгом деловом костюме, длинные волосы забраны в гладкую прическу, на лице выделяются лучистые серые глаза, кажущиеся еще больше из-за косметики, но, Боже упаси, никаких теней и подводок! На лице чуть-чуть тонального крема, минимум пудры и достаточно бледная помада под цвет лака на ногтях.

Ангелина, тихонько подглядывая за Леной в щелку двери своей комнаты, выпускала шипение разъяренной кобры, но молчала. Она вообще в последнее время поутихла, но Лена знала, что это затишье перед бурей, что Ангелина просто так не оставит ее в покое. Пока же Лена отбросила от себя эти мысли.

Куда приятнее было заниматься собой, создавать себя для него, как произведение искусства.

Одежда, аксессуары, красивое белье, духи... Вот с духами было непросто. Александр делал ей мелкие подарки, но никогда не дарил духов. Тогда Лена сама купила себе маленький пузырек «Клима». Он говорил ей, что любит запах ее тела и не нужно никаких духов. Но если женщина пользуется французскими духами, то понемногу запах их проникает всюду. Даже если не брызнуть несколько капель за ушами перед свиданием, в комнате все равно появится легкий аромат – от белья, от носового платка. В тот вечер Александр

потянул носом и слегка поморщился: «Я же просил!». Лена вспомнила, как долго он принимает душ после их занятий любовью, как тщательно осматривает себя перед выходом, не дай Бог, останется на одежде длинный волос или пятнышко от косметики... Лена поняла, что его жена пользуется другими духами, не «Клима».

Александр никогда не рассказывал ей о своей семейной жизни, Лена не расспрашивала, знала только, что у него есть жена, что брак их длится достаточно долго, что жена занимается бизнесом – вот и все. И еще она знала, естественно, что она не первая его любовница, что их у него было предостаточно. Александр редко упоминал об этом, кое-что проскальзывало в намеках банковских дам, да Лена и сама понимала. Она много думала об этом, и вообще об их отношениях. Она лежала дома в темноте с открытыми глазами и задавала себе два вопроса: что Александр в ней нашел и что с ней будет, когда она ему надоест?

Маловероятно, что она понравилась ему тогда в институте, она была серенькой закомплексованной мышкой. Сейчас, конечно, по взглядам мужчин на улице она знает, что с ней нигде не стыдно показаться. Но он высмотрел ее именно тогда, и вряд ли его привлекли ее отличные отметки – проработав несколько месяцев в банке, Лена хоть и не полностью познала весь сложный мир банковских интриг, но узнала достаточно, чтобы понять, что знания при приеме на работу в банк играют небольшую роль.

Конечно, приятно было бы думать, что она нравится Александру, что его к ней тянет, что с ней у него совсем не так, как с другими, но как бы Лена сама ни была в него влюблена, она понимала, что рано или поздно наступит момент, когда он, отведя глаза, скажет, что не может снимать больше квартиру, приведет какие-то убедительные причины, и она, Лена, сразу поймет, что все кончено. Что будет с ней тогда? Сможет ли она жить без него? Этого Лена не знала. Этот вопрос оставался открытым. Кроме всего прочего, когда она Александру надоест, ему не захочется видеть ее рядом с собой на работе, там она тоже не будет ему нужна, поэтому ее уволят. Что тогда? Возвращаться к Вовчику? Ни за что! Лена с удовлетворением думала, что как хорошо, что она отказала Вовчику окончательно и бесповоротно еще раньше, до того, как она поступила на работу в банк, до того, как она вообще познакомилась со Строгановым. Иначе многие думали бы, что она была с Вовчиком из-за денег, хотя, видит Бог, денег она от него никогда не брала.

В тот последний раз, когда Лена чуть не проявила слабость и готова была сдаться, а Вовчик так кстати загулял, что она успела опомниться, Лена дождалась, когда он появился через три дня с виноватым видом, и спокойно высказала ему все.

Они не любят друг друга, из Вовчика не получится хорошего мужа и вообще ничего путного, Лена не хочет выходить за него замуж и жить на деньги его отца.

Был грандиозный скандал. Вовчик вообще обожал страстные сцены с рыданиями и битьем посуды, он в противовес Лене выходил из них посвежевший, с блестящими глазами. В этот раз Лена смотрела на него и ясно видела, какой он глупый. Но он очень помог ей прийти в себя после смерти родителей, развлекал, даже по-своему заботился. Поэтому Лена говорила с ним как можно мягче, но была непреклонна. Вовчик стоял на коленях, долго ее о чем-то умолял, потом им обоим как-то сразу это надоело, и он ушел. Только Лена вздохнула с облегчением, как приперлась Ангелина, вся белая от злости, и сказала, что раз Лена такая дура, то пусть на них с мужем больше не рассчитывает, никто не собирается ее содержать, устраивать на работу, и вообще, возиться с ней никто больше не будет. Лена страшно удивилась, как будто раньше с ней кто-то возился. Но Ангелину уже понесло, она орала, не помня себя.

И так визжала, что в ответ залаяла собака соседа снизу. Лена даже забеспокоилась – может, у Ангелины с психикой не в порядке? Надо будет посоветовать брату показать ее врачу. На следующий день она вызвала слесаря из ЖЭКа, он поставил замок на дверь ее комнаты.

* * *

Жить без него было невыносимо. Лена по инерции ходила на работу, покупала продукты, вечером ужинала и ложилась

пораньше. Он часто ей снился, таким, каким он был тогда, в то счастливое время, когда они были вместе. Один раз она поймала себя на мысли, что жалеет о том, что они не сели в его машину вместе. Она тут же опомнилась, нельзя так думать, иначе судьба накажет еще больше, надо жить, сколько отмерено свыше, но как же тяжело это переносить.

Слишком много утрат для нее одной за такое короткое время. Но сейчас ей было даже тяжелее, чем после смерти родителей. Потому что она ни с кем не могла разделить свое горе.

Однажды после особенно яркого счастливого сна она услышала свой голос, произнесший вслух:

«Больше всего на свете я боюсь, что там, в той, другой, жизни, мы с ним не встретимся».

Однако надо было решать неотложные проблемы. Лена позвонила хозяйке квартиры, что снимал Александр для их встреч, та сказала, что квартира оплачена до конца апреля, то есть если не будете дальше пользоваться, то к тридцатому попрошу освободить площадь. Оставалось две недели, и Лена наконец решила зайти туда, забрать кое-какие мелочи, убрать там и попрощаться с местом, где она была так счастлива.

После работы Лена поспешила в этот однокомнатный рай, как называл его Александр. Ее терзала смутная тревога, какое-то беспокойство.

Сама не зная почему, она проехала лишнюю останов-

ку на троллейбусе, прошла через два проходных двора... Она не понимала, зачем это делает – чисто инстинктивно, как преследуемое животное, она запутывала свои следы. В квартире было тихо и пусто. Все напоминало о нем. Лена поплакала немного, но взяла себя в руки, собрала свои вещи, кое-что приготовила в пакете, чтобы выбросить по дороге, вытерла пыль и на прощание решила немного посидеть на диване. Она обвела глазами комнату, теперь уже ничего не осталось, что напоминало бы Александра. Вот она уйдет, завтра отдаст ключи хозяйке, и никто не узнает, что несколько месяцев они провели здесь в радости.

Лена перевела глаза на письменный стол, в голове у нее мелькнуло какое-то неясное воспоминание.

За несколько дней до трагедии, войдя в эту квартиру, она из прихожей услышала звук запираемого замка. Однако когда она открыла дверь комнаты, Александр сидел в кресле и читал газету. Все было бы хорошо, но краем глаза Лена заметила какое-то движение на письменном столе. Взглянув в этом направлении, она увидела качающееся хрустальное пресс-папье – ненужную старую безделушку, которая две-три минуты раскачивалась, стоило ее случайно задеть. Тогда Лена не придавала значение этому эпизоду. Ведь он ее ждал, соскучился и, улыбаясь, протянул к ней руки... Но теперь она сообразила, что Александр тогда стоял у письменного стола, что-то там делал, но, услышав звук отпираемой двери, торопливо сел в кресло и сделал вид, что он спокойно ждет

Лену...

Лена подергала ящики письменного стола. Два верхних легко выдвинулись, в них ничего не было, как Лена и предполагала, – эта квартира была снята для тайных любовных свиданий, а не для работы, и письменный стол был тут случайно, это была хозяйкина мебель. Но третий, самый нижний, ящик был заперт на ключ. Ключа, естественно, Лена не нашла и задумалась, чем бы его заменить. Она вытащила заколку-невидимку из собственных волос и попыталась повернуть ее в замке. Как ни странно, это простейший инструмент помог: замок щелкнул, и ящик удалось выдвинуть. Но он был так же девственно чист, как и другие.

Лена застыла в раздумье. Если ящик пуст, то зачем он заперт. А ведь тогда она слышала именно этот щелкающий звук. Значит, Александр запирает этот замок. Ругая себя за то, что в последние минуты в этой квартире она занимается ерундой, Лена тем не менее полностью выдвинула ящик и запустила руку внутрь. К задней стенке стола позади выдвинутого ящика кусочками скотча был прикреплен длинный белый конверт.

Неожиданно внизу под окнами раздался резкий скрип тормозов. Лена выглянула в окно, осторожно смотря через тюлевую занавеску, и увидела, что внизу остановилась большая темно-синяя машина, дверцы ее одновременно распахнулись, из машины выскочили четверо мужчин и быстрым шагом направились к подъезду. Леной руководил все тот же

инстинкт затравленного животного. Она поспешно сунула белый конверт в сумочку, выскочила в прихожую, подхватила пакет со своими вещами и мешок с мусором, огляделась, не забыла ли чего, и выскочила на лестницу, накинув пальто.

Снизу доносились шаги быстро поднимающихся людей. Лифт наверняка просматривается. Лена, стараясь ступать бесшумно, поднялась вверх по лестнице и замерла, прислушиваясь.

Шаги остановились возле ее квартиры. Инстинкт преследуемого животного не подвел. Люди недолго повозились с замком и вошли. Лена хотела было спуститься, но вовремя сообразила, что в машине наверняка остался шофер, поэтому села на ступеньку, прислушиваясь, надеясь, что никто из соседей не поинтересуется, зачем это она тут сидит. Через полчаса дверь ее квартиры снова тихо открылась.

«Если пойдут искать по лестнице, буду кричать, что пожар, – подумала Лена. – На пожар кто-нибудь да выйдет».

Она тихонько подошла к лестничному окну и приоткрыла его. Двое уже сидели в машине, а двое стояли рядом и, судя по жестам, ругались.

Один, помордатея, наседал на другого, а тот разводил руки.

"Ругается, что тот, маленький, меня упустил, – поняла Лена. – Очевидно, он за мной от самого банка следил, а пока эти подъехали, он отвлекся.

Видно, их встречал, потому что на словах не объяснить,

как к этому дому на машине подъехать можно. Похоже, не зря Строганов этот дом выбрал".

В машину сели все четверо и уехали. Трясаясь от страха, Лена спустилась на свой этаж. В квартире царил такой хаос, будто там только что порезвилась банда махновцев. Ящики стола были вынуты и валялись на полу. Лена порадовалась своему везению: она успела найти конверт раньше незваных гостей. Было страшно задерживаться в этой разгромленной квартире, и Лена, поборов свое любопытство, не заглядывая в конверт, поспешила домой. Квартира больше ничем не напоминала однокомнатный рай. Лена опустила ключи в почтовый ящик, решив просто позвонить хозяйке, чтобы избежать скандала. Договаривался с ней покойный Строганов, так что она про Лену ничего не знает. Красть в квартире нечего, кроме хрустального пресс-папье, а замки после такого погрома хозяйка все равно поменяет.

Дома, конечно, присутствие Ангелины превращало родительскую квартиру в трехкомнатный ад, но из всех зол Лена выбрала меньшее.

Подходя к дому, она нос к носу столкнулась со странным молодым человеком. Он был невероятно ярко и безвкусно одет – длинное бежевое кашемировое пальто, из-за маленького роста оно доходило молодому человеку до пят, розовая рубашка, оранжевый галстук в синих разводах, его сложная прическа была щедро сдобрена пенкой для волос и зверски благоухала.

Видно было, что вещи все на нем дорогие, из хороших магазинов, но кричащие цветовые сочетания, длинное пальто, в полах которого путались его короткие ноги, и суетливые движения делали его облик карикатурным. Лена сразу же про себя назвала его попугаем.

– Елена Юрьевна! – радостно воскликнул «попугай». – Безумно рад вас наблюдать! То есть как это... лицеизреть.

– Вы кто такой? – невежливо осведомилась Лена.

– Ах, Господи, конечно! Вы же меня не знаете! Мы же не были приставлены друг другу!

– Представлены, – холодно поправила его Лена.

Ситуация начала ее раздражать.

– Да-да, конечно, представлены. Я так и сказал. Меня зовут Гарик.

– Допустим, что мне очень приятно, Гарик, но я хотела бы знать, кем мы не были приставлены, по вашему выражению.

– Как, я разве еще не помянул? Так Александром же Васильевичем Строгановым.

Лене показалось, что на нее выплеснули ведро холодных помоев. Упоминание имени Строганова само по себе причиняло ей боль, а в устах этого карикатурного безграмотного пижона прозвучало вообще пародийно. Лена отшатнулась от своего собеседника.

– Вы разве не знаете, – сказала она ледяным тоном, – Александр Васильевич скончался. Точнее, – она поправилась, – трагически погиб.

– Знаю, знаю, – «попугай» трагически, как он думал, замахал на Лену коротенькими ручками, – как же, такая драма!

Это отчетливо прозвучавшее двойное "м" dokonало Лену. Видимо, этому крестину казалось, что так должны произносить слова культурные люди, к которым он себя, безусловно, причислял.

– Молодой человек, – еще более холодно сказала Лена, – оставьте меня в покое. Я совершенно не настроена с кем бы то ни было говорить о покойном.

– Да-да-да! – защебетал «попугайчик». – Всеконечно! Пренепременнейше! Я только хотел вас спросить – Александр Васильевич ничего не просил передать Гарику? Мне то есть?

Лена посмотрела на него диким взглядом и медленно, раздельно, как глухому повторила:

– Александр Васильевич скончался! Вы что – не понимаете русских слов?

– Да-да, конечно! – энтузиазму молодого идиота не было предела. – Разве же я с вами спорю? Я и всех, кто меня спросит, точно так же информирую: Александр Васильевич скончался!

И все. Концы в воду. Но только, может быть, он мне все-таки что-нибудь передал? Совсем немножко? Пакетик, может быть, или сверточек?

И совсем другим, очень серьезным тоном, лишенным па-

родийности, он добавил:

– Он остался мне должен.

Произнеся эту фразу, Гарик протянул Лене свою визитную карточку, сделал прощальный жест ручкой и растворился в наступающих сумерках. Лена на какое-то время лишилась дара речи и способности передвигаться. Она стояла и смотрела вслед этому карикатурному видению, в волнении повторяя про себя его слова:

«Александр Васильевич скончался – и все. Концы в воду. Концы в воду».

Дома, едва Лена вошла, Ангелина устроила скандал на пустом месте, орала, что она не домработница убирать тут за всеми, и пусть Лена не думает, что ей все сойдет с рук. Не слушая ее, Лена вскипятила чайник, налила чашку и прошла к себе. Есть ей не хотелось. Ангелина сунулась было в дверь, но Лена опять-таки молча оттолкнула ее и захлопнула дверь. Было слышно, как вмешался брат и пытался Ангелину урезонить, она переключилась на него, и они ушли доругиваться в свою комнату.

Едва прикоснувшись головой к подушке, Лена провалилась в душный тяжелый сон.

Она стояла на краю тротуара, и перед ней снова распулся огненный цветок взрыва. Пылающие обломки разлетались в стороны, едва не задевая ее лица. Горящая машина разваливалась на куски.

Лена смотрела в ужасе на эту катастрофу, не в силах по-

шевелиться. Она хотела убежать, но ноги были словно нали-
ты свинцом, хотела закрыть глаза, но даже это сделать была
не в силах. Скованная ужасом, она смотрела на пылающую
машину как зачарованная. И вдруг из недр пламени поднял-
ся человек. Он раздвинул огонь, как ветки кустарника, и по-
шел к ней, к Лене. Господи, как он был страшен! Обгорелое,
обугленное лицо, покрытое жуткими черными струпьями,
казалось, отваливалось кусками, обнажая голые кости чере-
па, одежда свисала черными лохмотьями... Но самое страш-
ное было то, что этот монстр, этот движущийся труп был
Александром, ее Александром. Он тянул к ней страшные об-
горелые руки и говорил жалобным умоляющим голосом:

– Не уходи! Помоги мне!

А она и не могла уйти от него при всем желании, ее тело
было приковано к месту, парализовано ужасом.

– Не уходи! Ты мне нужна! Ты очень мне нужна!

Лена чувствовала бесконечный невыразимый ужас,
и страшнее всего была ее полная беспомощность. Обуглен-
ный монстр приближался к ней, вот он рядом. Его руки, об-
горевшие до костей, тянулись к Лениному лицу... и в тот са-
мый момент спазм отпустил ее голосовые связки, и она ис-
тошно закричала. И проснулась от собственного крика.

Она сидела в кровати с бешено колотящимся сердцем сре-
ди сбившихся в комок простыней, вся в липком холодном
поту. С трудом отдышавшись, она встала, открыла окно –
в комнате было нежарко, но как-то омерзительно душно,

как в склепе. Глоток холодного ночного воздуха помог ей прийти в себя. Никогда в жизни ей не снилось такого ужасного кошмара. Очевидно, после смерти Александра у нее сильно расстроены нервы.

Ужасно хотелось пить, и Лена, набросив халат, прошла на кухню. В коридоре стояла Ангелина, всклокоченная, в ночной рубашке и шлепанцах.

Увидев Лену, она зашипела на нее злобно:

– Ты ш-што это себе позволяеш-шь? Ты ш-што, не знаешь, ш-што в доме ребенок маленький? Ты ш-што орешь по ночам как резаная?

Лене было не до того. Она сунула руку в холодильник, где была оставлена бутылка минералки, бутылки не было и в помине – Ангелина постаралась. Тогда Лена схватила «кока-колу», которую Ангелина тоннами покупала для племянника, несмотря на то что у него была от нее аллергия, залпом выпила чуть не полбутылки и пошла к себе.

Ангелина продолжала шипеть возле своей двери.

Лена наугад кинула пустую бутылку на голос и, судя по тому, что Ангелина замолчала, попала.

У себя Лена улеглась в постель, но сон не шел.

Она перебирала в уме события минувшего дня, прокручивая их в обратном порядке, как будто они удалялись от нее, уменьшаясь в обратной перспективе: странный молодой человек в попугайской одежде... Что он имел в виду, говоря о долге Строганова? До того – разгром их с Александром

тайной квартиры... Кто были эти люди? Во всяком случае не милиция – те приехали бы открыто, вызвали понятых. Нет, эти выследили Лену от банка, Лена задумалась, ей было смутно знакомо лицо их главного, такой мордатый. Почему-то мордатый связывался в ее памяти с Костроминым. Значит, это люди Костромина, он приказал за ней следить.

И что же они искали в той квартире? Не тот ли конверт, который она, по счастливой случайности, нашла раньше их? Черт! Лена подскочила как ужаленная. Конверт! События минувшего дня так выбили ее из колеи, что она забыла посмотреть, что же находится в этом конверте.

Лена бросилась к столу и схватила свою сумочку. Конверт был на месте. Она поспешно его вскрыла и в изумлении уставилась на его содержимое.

В конверте было всего два предмета. Одним из них был заграничный паспорт на имя Елены Беяковой. Фамилия была не Ленина, но фото на паспорте ее. Лена пролистала новенький паспорт. Никаких отметок, только одна виза – Соединенное Королевство Великобритания!

Вторым был авиабилет бизнес-класса на рейс компании British Airways Петербург – Лондон – дата, время вылета... Елена Беякова.

Вот так номер! Александр получил для нее фальшивый паспорт с британской визой, он хотел, чтобы она летела в Англию. Но почему только один билет? И почему на чужую фамилию?

Лена пришла на работу не выспавшаяся, с больной головой, но все же, что ни говори, утро вечера мудренее, и она решила, что ей обязательно надо поговорить со вчерашним карикатурным молодым человеком, как же его звали? Гарик! Она нашла его визитку, но звонить из банка не хотела, даже по мобильному телефону. Мобильник подарил ей Строганов. Она не хотела принимать от него такой дорогой подарок, но он убедил ее, что делает это для себя, так он всегда может позвонить ей и договориться о встрече. На всякий случай она вышла из здания банка – она не разбиралась в подслушивающих системах и не знала, могут ли они перехватить разговор по сотовой связи.

Устроившись с чашечкой кофе в бистро на углу, она огляделась по сторонам и достала из сумочки маленький «эриксонский» телефон. Трубку сняли мгновенно, как будто ждали ее звонка.

– Гарик?

– Совершенно точно. Я абсолютно весь во внимании.

– Вы меня узнали?

– Одинажды услышав ваш голос, позабыть вас невозможно.

Лена вскипела:

– Прекратите ваши дурацкие безграмотные комплимен-

ты!

Гарик обиделся и посерьезнел:

– Вы же сами мне телефонируете, значит, имеете интерес к взаимной беседе!

– Имею, имею, не обижайтесь. Как вы думаете, ваш телефон не прослушивается?

– Я не думаю, – ответил Гарик серьезным и вполне человеческим тоном, – я знаю. Я в этом разбираюсь. Не только мой, но и ваш телефон не прослушивается, у меня установлена специальная аппаратура для контроля. Так что говорите спокойно.

– Будьте через сорок минут на углу Гороховой и Большой Морской.

– Понял.

Лена вышла из бистро. План у нее созрел несколько раньше. Неподалеку был платный туалет, отличавшийся тем, что его отделения «для дам» и «для джентельменов» выходили на разные улицы. Лена вошла через дамский вход, краем глаза заметив молодого человека, со скучающим видом, прохаживающегося по тротуару на противоположной стороне улицы, демонстративно не поворачиваясь в ее сторону, но не отрывая взгляда от зеркальных витрин. Лена не присматривалась, но парень вполне мог быть из той вчерашней четверки – не может же у Костромина на зарплате быть целое подразделение!

Войдя в туалет, Лена не задержалась там ни на минуту,

а тут же, на глазах у изумленной дежурной, прошла через соединяющую две его разнополюсные части дверь, предназначенную для старухи-уборщицы, и оказалась на мужской половине.

Посетители этой самой половины от изумления пооткрывали рты, но больше никак не успели отреагировать на появление в «святая святых» молодой элегантною леди. Лена, махнув им рукой, бросила: «Продолжайте, мальчишки!» – и, провожаемая изумленными взглядами, выскочила на улицу и бросилась к автобусной остановке. Она успела впрыгнуть в автобус, особенно не интересуясь его маршрутом – ей было важно оторваться от скучающего молодого филера. Автобус свернул на соседнюю улицу и проехал мимо молодого человека, который уже отбросил свой скучающий вид и прилежно наблюдал за дверью дамского туалета.

Два раза пересев с транспорта на транспорт, Лена к условленному времени еле успела к углу Гороховой и Большой Морской. Издали она заметила бежевое пальто и немислимую прическу Гарики. Он прохаживался, поглядывая на часы, и жевал резинку. Увидев Лену, он вытащил резинку из рта и, не найдя вокруг урны для мусора, прилепил резинку к афишной тумбе. Лену передернуло от омерзения. Заметив ее недовольный взгляд и поняв его причину, Гарик произнес:

– Вы не думайте, я очень культурный человек. Здравствуйте, Елена Юрьевна.

Лена не удержалась и прыснула.

– Да, я вижу, очень культурный. Но, впрочем, это не важно. Я не для этого хотела с вами встретиться.

– Я понимаю. Вы общались с Александром Васильевичем...

Лене кровь бросилась в лицо:

– Что вы несете! Как я могла с ним общаться!

Он умер, погиб у меня на глазах!

– Разве я с вами спору? Погиб, разумеется, погиб. Это был наилучший выход из положения.

Он ведь очень рисковал... Такие огромные деньги! За них действительно могли убить. А так погиб – и все, взятки гладки. Но в такой оппозиции, Елена Юрьевна, вы оказываетесь на первом, извиняюсь, плане. В самой большой опасности, хотя Александр Васильевич с самого начала возлагал на вас наиглавнейшую роль.

– Я совершенно ничего не понимаю. С самого начала – чего?

– С самого начала операции.

– Какой еще операции? Объясните мне наконец, что вас связывало со Строгановым? Кто вы такой, вообще? На финансиста вы совершенно не похожи...

– Почему не похож? – Гарик слегка обиделся. – Вообще-то я и правда не финансист, я – компьютерщик, классный хакер...

– Это который в чужие компьютерные сети взлезает?

– Ну не только. – Гарик смущенно потупился, как кот Матроскин из мультфильма, казалось, он сейчас добавит: я и на машинке могу...

– Все-таки, что вас связывало с Александром Васильевичем?

– Значит, он с вами операцию еще не обсуждал... Странно, время-то идет... Ну во всяком случае ему придется со мной связаться – ведь половина кода у меня... я предусмотрел такой вариант, что он захочет исчезнуть... Нельзя шутить с хакерами, ведь в компьютерах они разбираются гораздо лучше простых людей, скажу без ложной скромности. Но если он еще с вами не обсуждал завершительную часть операции... Лондон и так далее, то я пока откланиваюсь. Мне еще с вами разговаривать не время...

С этими словами Гарик юркнул в открытые двери троллейбуса. Троллейбус укатил, оставив совершенно ошарашенную Лену. Все, что говорил Гарик, казалось ей абсолютным бредом – но упоминание о Лондоне так точно совпадало с найденными ею билетом и паспортом, что заставляло всерьез отнестись к словам Гарика, хоть он и был по виду совершенным чучелом. Лена думала над его словами и отказывалась их понимать. Какую операцию Гарик имел в виду? О каких огромных деньгах он говорил? И какую важную роль должна была играть во всем этом она, Лена?

Лена подняла глаза и вдруг увидела проходящего по противоположной стороне улицы мужчину. Она видела его толь-

ко со спины, но осанка, походка, наклон головы... Это был Александр!

Сердце у Лены бешено забилося, она перебежала улицу, чуть не угодив под колеса проезжающих машин, бросилась мужчине вслед... Она громко назвала его по имени, но он не обернулся, как будто не слышал. Лена обогнала его, заглянула в лицо... это был не он. Мужчина, увидев догоняющую его девушку, готовно улыбнулся и спросил:

– Я могу вам чем-то помочь?

– Извините, я обозналась...

– Что ж, я могу только позавидовать тому, с кем вы меня перепутали!

– Не надо завидовать, – пробормотала Лена и отошла поскорее.

Что с ней происходит? Пристает к незнакомым мужчинам на улице! Снова взглянув на этого мужчину, она удивилась, как могла принять его за Александра: он почти ничем не был на него похож – просто тоже крупный представительный хорошо одетый мужчина.

Что же такое с ней творится? Так недолго и свихнуться. Видимо, так повлияли на нее слова Гарика, его уверенность, что Александр жив и все идет по плану. Но она-то своими глазами видела, как Строганов погиб. Она видела взрыв, разлетающиеся куски покоруженного металла...

До сих пор, закрывая глаза, она видела полыхающую чудовищным факелом машину. И она знала, что под обгорев-

шими обломками найдут труп Александра. Она не сомневалась в этом до сегодняшнего дня. Но теперь, после разговора с Гариком, червь сомнения зашевелился у нее в груди. Иначе, разве побежала бы она за незнакомым мужчиной? Значит, она поверила Гарику в глубине души.

Но если он жив, что все это значит? Это значит, что его смерть в пламени горящей машины у Лены на глазах – ловко разыгранный трюк? Не говоря уже о том, что за этим трюком стоит какая-то финансовая афера, о чем и намекал ей разноцветный Гарик, Лену больше всего поразило, как мог Александр настолько пренебречь ее чувствами. Неужели он способен был причинить ей такую боль? Получается, что она для него ничего не значила, ее горе недорого стоит в его глазах.

Когда на одну чашу весов он положил ее горе, а на другую – большие деньги, деньги, разумеется, перевесили. А она-то, наивная дурочка!

Но все это справедливо только в том случае, одернула себе Лена, если Строганов действительно жив, а взрыв машины – ловко разыгранный спектакль. Поверить в это Лене было невероятно трудно – ведь все происходило у нее на глазах.

А может, все так и было специально рассчитано, чтобы она была свидетелем смерти Строганова, причем таким достоверным свидетелем, в чьих показаниях невозможно сомневаться. Неужели он заранее рассчитывал на силу ее горя, которое и должно было убедить всех в подлинности его

смерти? Лена не могла поверить в такой холодный расчет и обдуманную жестокость. Скорее она готова была поверить в то, что этот Гарик, который был ей неприятен, ведет какую-то свою, непонятную ей игру. А может, он связан с банковскими? Маловероятно, уж очень разные они люди. Но Костромин тоже ведет с Леной какую-то свою непонятную игру, это он приставил к ней слежку. Интуитивно Лена чувствовала, что вокруг нее плетется сложная интрига. Но зачем им всем нужна рядовая служащая банка, от нее мало что зависит. У нее нет никаких связей среди сильных мира сего, никаких возможностей, чтобы повлиять на происходящие в банке события. Лена почувствовала, как она погружается в царящий в мыслях и душе хаос. Может, это все ей привиделось, может, она сходит с ума? Мания преследования, вполне распространенная вещь...

Лену отрезвила весьма конкретная вещь: авиабилет в Лондон и фальшивый паспорт. Это уж не могло ей показаться, это факт.

Лена вспомнила, как у них с Александром зашел однажды разговор о путешествиях. Александр сам начал этот разговор.

– Солнышко, как ты смотришь на то, чтобы съездить этой весной в Лондон?

– С тобой – куда угодно, хоть в Сыктывкар.

Лондон – это неплохо, но вообще я ужасно хочу показать тебе Париж... такой, настоящий Париж.

Ты, конечно, бывал там гораздо чаще, но всегда шел одними и теми же путями – путями отдыхающих бизнесменов. Ты даже отдыхал в спешке, на скорую руку. Мой отец говорил, что Париж не создан для спешки, в нем нельзя торопиться. Мы с мамой как-то полтора часа провели в саду Тюильри, наблюдая за уроками верховой езды для самых маленьких. Этакие крохи шести лет учились ездить верхом – конечно, не на лошадях, а на пони.

У всех настоящие костюмы для верховой езды – бриджи, высокие сапоги, на головах для безопасности каски. Тренер – молодая интересная женщина – сначала показывала прием с каждым из учеников, потом они все скакали по кругу на своих пони... Зрелище незабываемое! А мы с мамой сидели в тенечке на стульях, там не скамейки, а стулья, которые можно взять и поставить куда хочешь, так вот, мы сидели на стульях, ели что-то вкусное и смотрели на малолетних джигитов...

Тогда я ничего не понимала, но потом, после всех несчастий... не знаю, как тебе объяснить.

Знаешь, это не моя мысль, я где-то читала, что человеческая жизнь состоит из мгновений счастья, остальное не в счет. Тем, у кого этих мгновений много, повезло. А те, у кого их мало, зато сильнее их ощущают. И мне так хочется повторить это с тобой!

Тут Лена заметила, как он украдкой посмотрел на часы, потом сказал:

– Конечно, солнышко, мы туда поедем, но чуть позже. А сначала – в Лондон. Тебе там тоже понравится. Посмотришь на гвардейцев у Букингемского дворца, на бифитеров в Тауэре, покормишь уток в Сент-Джеймс-парке – в общем, там есть на что посмотреть...

– Если мы все это будем делать с тобой, то я согласна.

Тогда Строганов промолчал, перевел разговор на другую тему, и она не придавала этому разговору большого значения. Но теперь, после всего, что случилось, особенно учитывая найденный билет, Лена поняла, что тот разговор Александр завел неспроста, он исподволь приучал ее к мысли, что она должна будет поехать в Лондон. Что она проболтается кому-нибудь, он не боялся – он знал, что Лена ни с кем и никогда не обсуждала их отношений. Она была очень сдержанна и неболтлива, об этой черте ее характера Александр знал.

Зачем же она была нужна Александру в Лондоне, потому что о том, что он позовет ее туда просто так, чтобы провести там с ней время, теперь уже не могло быть и речи.

В этот же день Костромин снова был на ковре у управляющего.

– Артур Виленович, нашел я их гнездышко, все там перетряхнул, иголку не пропустили ребята мои. Ничего, с деньгами связанного, нету.

– Ох и зря я тебе деньги плачу! Немалые, между прочим, где ты еще такую работу найдешь? Конечно, так он тебе и оставит на виду финансовые бумаги. А ты проверил, нику-

да он не собирался?

– Обижаете, Артур Виленович, за мальчика меня держите. Искали билеты, заявки на бронирование мест – ничего. Единственно, что на размышление наводит, в шкафу куча рекламных проспектов, гостиницы на Кипре, отели...

– Ага! А ты говоришь, ничего нет. Значит, отдыхать собирался, на Кипре, значит... У меня были подозрения, что деньги ушли на Кипр, там все проще... Похоже, эта версия подтверждается.

Так. Что с девкой?

– Следим за ней. У меня впечатление, что она в курсе дела – проверяет наличие слежки, вчера днем от наблюдения ушла.

– Ну ты даешь, профессионал хренов! Если от тебя девчонка неопытная уйти смогла, то как же ты за серьезными-то людьми следишь?

– Артур Виленович, молодой парень ее вчера упустил, я ему уж врезал по полной. Думаю, после его смерти она растерялась и так или иначе проколется.

– Ты мне очки-то не втирай! Мне так или иначе не годится! Ты вот хочешь в живых остаться? Так или иначе тебя, верно, тоже не устроит?

И меня тоже! Ты хоть понимаешь, в какую парашу мы влипли? Ты ведь в курсе, знаешь, как дело было. Пришли деньги от калмыцкого офшора, огромные деньги, два с половиной миллиона зеленых! Причем, сам знаешь, какие люди

за офшорными фирмами прячутся. Сам понимаешь, что эта зелень наркотой пахнет. А где наркота – там человеческая жизнь недорого стоит. И вот эти-то деньги ушли в неизвестном направлении.

Судя по всему, работал крутой программист-хакер в паре с кем-то из банковского руководства.

Все на Строганове сходится. Он обеспечил хакеру вход в банковскую сеть, дал ему пароли, коды доступа, что там еще нужно. После этого хакер имитировал недостающие реквизиты, а когда деньги ушли, замел в сети все следы, так что теперь никакими силами не установить, куда эти деньги делись. Строганов убит, самое вероятное, что его партнеры взорвали. Из-за таких денег не мудрено. А как теперь хакера найти, – это уж твоя забота, ты у меня за это деньги получаешь.

Девка твоя вполне может с ним на связь выйти, но если хакер Строганова убил, то он и девуку убьет, ему она живая не нужна. А раз она от слежки уходит, значит, рыльце у нее в пушку, что-то знает. Последняя это наша ниточка. Глаз с нее не спускайте, все должны знать – куда ходила, что делала. И учти, Юра, я не забыл, что тебя в банк Строганов привел, так что ты землю рой, если не хочешь, чтобы от дружка твоего покойного на тебя подозрения упали!

– Артур Виленович, можете на меня положиться! Все, что могу, сделаю, и что не могу – тоже.

– Смотри у меня!

Двумя часами позже Костромин вышел из банка, проехал остановку на троллейбусе, вышел, прошел проходным двором, убедился, что за ним нет слежки и, пройдя еще один квартал, сел в ожидавшую его белую «тойоту».

* * *

Саша Строганов и Юра Костромин дружили с самого детства, еще со школьной скамьи. Буквально со школьной скамьи и началась их странная дружба. Костромин был в классе новеньким.

Когда рассаживались по партам, он отметил красивого широкоплечего Сашу и подумал, что обязательно сядет с ним за одну парту. Когда прежний сосед Строганова, лопухий очкарик Витька Чернышев по прозвищу Жаконя, пошел на свое привычное место, Юра ловко подставил ему ножку. Жаконя под злой смех одноклассников растянулся на полу, рассыпал учебники, Юра со скромной улыбкой сел на его место, взглядом спросив разрешение у Строганова и получив такое же безмолвное согласие.

Саша Строганов был красив, удачлив и самоуверен. Он нравился девочкам, нравился учителям. То, что он получал как само собой разумеющееся, то, что приходило к нему само, Юра Костромин должен был зарабатывать бесконечным трудом, напряжением сил и воли. Они получали одинаковые оценки, хотя затрачивали на учебу несоизмеримые

усилия. Тем не менее, говоря о Строганове, учителя всегда не скрывали своего восхищения, а Костромин... да, вы знаете, это очень упорный настойчивый мальчик. Позже он понял, что на мнение учителей влиял тот незначительный факт, что мать Саши Строганова работала в то время в орготделе горкома партии.

Тогда еще не было термина «спонсорская помощь», но Александра Викторовна Строганова была очень полезным человеком, о чем никогда не забывал директор школы, а значит – и все его подчиненные.

В отношениях с девочками, конечно, мама из Смольного не играла такой прямой роли... Хотя Саша всегда хорошо одевался, у него водились карманные деньги и многое другое, но, в общем, он и так пользовался бы успехом – крупный, красивый, уверенный в себе с легким, слегка барственным характером. И здесь тоже ему само в руки шло то, за что Юре Костромину приходилось долго и упорно бороться.

Они закончили разные институты, но после окончания оказались в одном и том же оборонном НИИ – Строганов – рядовым инженером, Костромин – рядовым сотрудником первого отдела.

Строганов знал, что он не будет заниматься инженерной работой, и на все попытки своего непосредственного начальника включить его в работу отдела отвечал с величественной снисходительностью. Зато он активно включился в работу комитета комсомола, мгновенно вступил в партию и, еще

не доработав обязательных для молодого специалиста трех лет, ушел в райком комсомола на небольшую, но выигрышную должность.

Далее он совершил характерный для тех времен зигзаг – проработав какое-то время в райкоме и поднявшись на одну-две ступеньки по кадровой лестнице, он снова вернулся в родной НИИ, но уже в должности секретаря парткома. Молодой секретарь выигрышно смотрелся на трибунах разных пленумов и партхозактивов, обещал поднять отечественную науку на небывалую высоту, очень понравился высокому партийному руководству (Александра Викторовна все еще держала в своих руках целый ряд ключевых вопросов, хотя ей давно уже пора было на пенсию), – и наконец, успешно завалив два-три важных правительственных заказа, Строганов перешел на долгожданный высокий пост в горкоме комсомола.

К моменту перехода его школьный друг Юра Костромин, который для стороннего наблюдателя по-прежнему работал в первом отделе, тоже совершил немало подвигов на своем невидимом фронте и дослужился за рекордно-короткий срок до майора известного комитета. Наиболее замечательным вкладом Костромина в дело государственной безопасности было разоблачение многообещающего молодого ученого, научного сотрудника одного из отделов и ведущего специалиста темы. Как выяснил Костромин путем напряженной агентурной работы, этот специалист вступил в контакт

с иностранным гражданином, подданным Марокко, с целью приобретения у последнего альбома группы «Юрайя Хип». Конечно, такому морально неустойчивому человеку было не место на переднем крае советской науки. Он был немедленно лишен допуска к секретным работам, за чем, естественно, последовало увольнение из оборонного НИИ, где без допуска делать нечего, и запрет работать по специальности. Ученый через родственников устроился приемщиком посуды, разбогател, но стал пить. Хотя это – совершенно другая история. Для нашего повествования важно, что за это Костромин получил крупную майорскую звезду, хотя по специфики своей работы ходил исключительно в штатском.

Александру Строганову, который намерен был прочно укорениться в вожделенных коридорах Смольного, нужен был надежный человек в пресловутых органах. Он вспомнил о старом друге, узнал о том, что Юрий на хорошем счету, и помог ему перейти в городское управление КГБ.

При этом Строганов дал ему понять и прочувствовать, кому он обязан этим повышением, заручился его обещанием хранить верность покровителю и при случае помочь компроматом на коллег и сослуживцев.

Костромин присягнул на верность, устроил роскошный банкет с сауной и девочками, где обнимал своего школьного друга, размазывал по щекам пьяные слезы и повторял, что ближе Строганова у него человека нет и не будет. Но в душе Костромин затаил на друга нехорошее и поклялся само-

му себе устроить Сашке Строганову варфоломеевскую ночь. Как-нибудь, при случае и со временем.

Время, однако, покатилося по новым рельсам и дошло до того, что Александр Васильевич Строганов, процветающий партийный функционер, подал заявление о выходе из партии. Товарищи его поняли и не осудили, тем более что сами назавтра поступили так же, но старые связи не ржавеют, и очень скоро Строганов уже сидел в мягком кожаном кресле заместителя управляющего «Бэта-Банка». Здесь он тоже не забыл однокашника и, помня слова классика о том, что кадры решают все, переманил его из сильно пошатнувшихся органов на хорошо оплачиваемый пост начальника управления безопасности банка. Костромин, принимая решение о переходе, долго колебался: конечно, платили на новом месте не в пример лучше, да и работа была, честно говоря, не пыльная, но спецслужба нужна всегда и любому правительству – ну, сегодня платят хуже и нет прежних привилегий, но завтра все может измениться, а банк может лопнуть в любой момент, и придется тогда бегать в поисках другой работы или проситься обратно в органы...

Но подлинной причиной его колебаний было не это. В действительности ему чертовски не хотелось снова попадать в зависимость к старому другу-сопернику, снова чувствовать себя обязанным ему новой, хорошо оплачиваемой работой, не хотелось снова оказаться в его тени, пусть даже благожелательной, покровительственной тени. И конеч-

но, он знал по опыту прежней работы со Строгановым, что тот потребует от него ответных услуг – не очень частых, не очень обременительных... то квартирой его воспользоваться, чтобы провести часок-другой с новой страстью, то заставит подтвердить перед женой свое алиби после очередной эскапады, но чаще всего будет требовать компромат на своих коллег – на управляющего, на начальников отделов и департаментов банка.

Костромин не ошибся в своих ожиданиях.

Александр Васильевич сказал ему прямо:

«Я взял тебя на эту работу, так же как в свое время я перевел тебя в Большой дом. Ты – мой человек, и не забывай этого».

Когда Костромин начал оснащать новое здание банка системой видеокamer, предназначенных для обеспечения безопасности, Строганов настоял на том, чтобы такие камеры были установлены во всех отделах банка, – как он сказал управляющему, это должно было повысить дисциплину сотрудников, а также полностью исключить любые злоупотребления и попытки воровства среди работников банка. И уже в приватном разговоре с Костроминым он приказал ему тайно установить камеры в кабинетах всех руководителей банка, кроме своего собственного, конечно, и даже в кабинете управляющего.

Костромин решил, что безопасность не знает исключений, и в один из выходных дней установил такую же камеру

в кабинете самого Строганова, наблюдал за ним лично, навел справки обо всех его посетителях, прослушивал его разговоры и искал компромат на школьного друга гораздо усерднее, чем на кого-либо другого. Он ждал удобного случая, чтобы нанести ему коварный удар из-за угла, а пока с готовностью выполнял все его приказы и мелкие частные просьбы – все то же самое, что и в прежние годы их плодотворного сотрудничества: оставлял ключи от своей квартиры, прикрывал перед женой и ждал своего часа.

Ему надоело всегда быть вторым, надоело быть у одноклассника на побегушках. Он всю жизнь завидовал Строганову, которому все давалось удивительно легко, удача сама шла к нему в руки, все лучшее в жизни принадлежало ему по праву рождения. Костромин жил один. Когда-то в ранней молодости он был недолго женат на своей однокурснице, но настоящей семьи у них не получилось. Как-то он сдурю познакомил жену со Строгановым, а несколько дней спустя, когда одноклассник подвозил его на работу, тогда они еще оба работали в НИИ, он нашел в машине Александра ее сережку. Юрий не стал выяснять у жены, молилась ли она на ночь, и вообще не сказал ни ей, ни Строганову о своей находке, но семейная жизнь дала трещину, и через полгода они развелись. Больше он не женился, вел жизнь преуспевающего холостяка и, как мы уже знаем, частенько оставлял другу ключи от своей холостяцкой квартиры. Правда, у него, спустя некоторое время, появилась интересная тра-

диция. Он старался найти потом тех девушек, с которыми встречался у него Александр, познакомиться с ними и снова привести их в свою квартиру... Интересно было смотреть на лицо его гостыи, когда она в недоумении оглядывалась, войдя в его дом, но никто из них никогда не проговорился Костромину, что бывал в его доме при других обстоятельствах. Эта двусмысленная ситуация – ты знаешь, что я знаю, но оба мы молчим, – чрезвычайно его возбуждала. Такие знакомства приносили Юрию некоторое удовлетворение, он как бы ненадолго торжествовал над соперником, хотя позже бесился, не находил себе места от неутоленной злобы, понимая, что и здесь он довольствуется обносками, остается на втором месте.

Аделаида Семеновна несла трудовую вахту на ниве отечественной почтовой связи. Проще говоря, Аделаида всю жизнь проработала на почте.

В последнее время, уже после достижения ею пенсионного возраста, ее перевели в отдел выдачи корреспонденции до востребования. Это было хорошо, потому что зарплата та же, а работы гораздо меньше, чем в отделе выдачи пенсий, – там вечно толпятся старики и скандалят. В прошлом году Аделаида Семеновна сама вступила в могучее братство пенсионеров, но старухой себя не считала и стариков вообще не уважала.

«Поддаваться старости – это проявлять слабость, – утверждала она. – Почему, если женщина на пенсии, она сразу же

перестает красить губы и вообще следить за собой?»»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.